

Минин Александр Сергеевич

кандидат исторических наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

SPIN: 9504-4873

minin175@mail.ru

УМНОЖЕНИЕ «УМСТВЕННЫХ ПЛОТИН»: ОСНОВЫ ПОЛИТИКИ В ОБЛАСТИ НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ В ЦАРСТВОВАНИЕ НИКОЛАЯ I

Аннотация: Данная статья посвящена характеристике политики в области народного просвещения в царствование императора Николая I. Традиционно она расценивалась как пример торжества николаевской реакции. С одной стороны – ужесточение цензуры, административный надзор над университетами, принцип сословности. С другой – развитие технического и военного образования, системные меры по сближению образования с практикой. Благодаря вниманию императора к истории 1830 – 40 е гг. оказались благоприятным периодом для развития археологии, реставрационного дела, в это время происходит систематизация исторических архивов.

Ключевые слова: Николай I, А. С. Шишков, С. С. Уваров, П. А. Ширинский-Шихматов, Ф. Г. Солнцев, уездные училища, университеты, теория официальной народности.

MULTIPLICATION OF "MENTAL DAMS": FUNDAMENTALS OF PUBLIC EDUCATION POLICY IN THE REIGN OF NICHOLAS I

Summary: This article is devoted to the characteristics of the policy in the field of public education in the reign of Emperor Nicholas I. Traditionally, it was regarded as an example of the triumph of the Nikolaev reaction. On the one hand – stricter censorship, administrative supervision of universities, the principle of class status. On the other hand, the development of technical and military education, systematic measures to bring education closer to practice. Thanks to the emperor's attention to history, the 1830s – 40s turned out to be a favorable period for the development of archeology, restoration work, and the systematization of historical archives is taking place.

Keywords: Nicholas I, A. S. Shishkov, S. S. Uvarov, P. A. Shirinsky-Shikhmatov, F. G. Solntsev, county schools, universities, theory of official nationality.

«... почитая народное воспитание одним из главнейших оснований благосостояния Державы, от Бога мне врученной, я желаю, чтоб для одного были постановлены правила, вполне соответствующие истинным потребностям и положению Государства. Для сего необходимо, чтоб повсюду предметы учения и самые способы преподавания были по возможности соображаемы с будущим вероятным предназначением обучающихся», - так сформулировал задачи

перехода к сословному образованию император Николай I в Рескрипте на имя Министра народного просвещения А. С. Шишкова от 19 августа 1827 г. [2, с. 571 – 572.].

В исторической науке и публицистике сформировалась традиционно негативная оценка политики в области народного просвещения в царствование императора Николая I. Реакция, обскурантизм, продолжение пресловутой «аракчеевщины», проявлениями чего были ужесточение цензуры, контроль над университетами, а главное – сословный принцип образования и насаждение «теории официальной народности». Неслучайно в 1850-е гг. возникла потребность в новой реформе образования, которая пройдет в череде либеральных реформ 1860-х - 70-х гг. [3, с. 205 - 206]. Однако не стоит оценивать николаевскую политику в области просвещения столь однобоко, хотя как для самого направления, так и для известных перегибов были свои причины.

Николай Павлович получил весьма поверхностное образование, а суровое воспитание в семье Павла I не способствовало гармоничному развитию личности. Поначалу даже в любимой военной сфере великий князь не считал себя достаточно компетентным и занимался самообразованием. Помощником и советчиком в области военного дела и военно-исторических занятий для Николая Павловича стал генерал-фельдмаршал И. Ф. Паскевич, рекомендованный брату Александром I в 1816 году [4, с. 227 - 228]. В области политической истории Николаю Павловичу были близки и понятны взгляды знаменитого российского историка Н. М. Карамзина, который стремился «... придать политическому абсолютизму известную идейность и красоту», что давало возможность самодержавию «опираться на возвышенную идеологию» [1, с. 290].

Восстание декабристов показало столкновение «идейности и красоты» с политической практикой. Николай I считал одной из причин произошедшего распространение крамолы среди дворянской молодежи вследствие халатного отношения родителей, обычно нанимавших учителей-иностранцев или отдававших сыновей в частные пансионы, к воспитанию и образованию в верноподданническом духе. Столкнувшись с ощутимой опасностью, император старался впредь не допускать развития новых «дерзновенных мечтаний». Не случайно в Манифесте от 13 июля 1826 г. «О совершении приговора над государственными преступниками» говорилось: «Да обратят родители все их внимание на нравственное воспитание их детей... Дворянство - ограда престола и чести народной, да станет и на сем поприще, как на всех других, примером всем другим состояниям. Всякий его подвиг к усовершенствованию отечественного природного, не чужеземного воспитания, Мы примем с признательностью и удовольствием» [2, с. 571]. При этом первым кадровым решением нового императора на ниве Просвещения, принятым еще в период междуцарствования, было увольнение одиозного члена Главного правления училищ М. Л. Магницкого. Чуждый религиозного фанатизма, Николай I оставил без внимания и поданный Магницким донос на М. М. Сперанского, обвиненного в сочувствии масонам и иллюминатам – «Обличение всемирного заговора против алтарей и тронов...» [2, с. 570].

Преобразования в системе народного просвещения начались уже в конце 1820-х гг. Осуждалась и практически запрещалась традиционная для XVIII – нач. XIX в. практика воспитания дворянских детей вольнонаемными учителями, часто иностранцами, «так как было замечено, что многие из числа декабристов были воспитаны именно такими вольными учителями-французами» [1, с. 301].

В соответствии с Рескриптом А. С. Шишкову, в 1828 г. был принят новый Устав уездных училищ и гимназий, который переформатировал систему образования на сословный лад. По характеристике А. А. Корнилова, «для императора Николая являлось важной задачей так поставить народное просвещение, чтобы оно давало будущим гражданам желательное правительству направление умов, чтобы оно воспитывало верных и скромных слуг государству в каждом сословии и, таким образом, давало бы устойчивость основам существующего государственного строя большую, чем та, какая была до тех пор. Во главу угла здесь положено было убеждение в необходимости давать каждому сословию просвещение в такой мере, чтобы не развивалось надежд и стремлений возвыситься из одного сословия в другое. Было предположено прежде всего ограничить образование крестьянских детей – чтобы и у них не развилась мысль о выходе из того состояния, в котором они находились» [1, с. 300]. Если раньше уездное училище можно было считать подготовительной ступенью к гимназии, окончив которую можно было поступить в университет, то по новому Уставу связь гимназии и уездного училища разрывалась. Программа обучения была изменена таким образом, что вместо последовательных ступеней были сформированы отдельные уровни образования с законченными курсами, предназначенные для разных сословий.

Несмотря на смену А. С. Шишкова более просвещенным сановником, С. С. Уваровым, в 1830-40-е гг. в уездных училищах и гимназиях происходил неоднозначный процесс усиления практического начала в образовании и освобождения учебных программ «от излишних наук и познаний»: даже из гимназического курса постепенно ушли естествознание, логика и статистика, были сокращены часы на преподавание математики, вопрос о древних языках обсуждался с участием самого императора (древнегреческий оставили только в классических гимназиях университетских городов, повсеместно ввели французский как самый употребительный). Изменилась и роль университетов. Если по Уставу 1804 г. университеты стояли во главе управления учебными заведениями в провинции, являясь научно-педагогическими и методическими центрами, что составляло «самый блестящий период в истории русского просвещения», то с 1835 г. вместо университетов учебными заведениями должны были управлять попечители учебных округов, нередко назначаемые из числа дисциплинированных военных [1, с. 339]. Еще в середине XVIII в. М. В. Ломоносов настаивал на прямой связи в цепи «университет-гимназия», считая, что без гимназии университет, «как пашня без семян». Тогда же обсуждался вопрос об открытости образования для всех сословий. Любопытно, что, отстаивая право всех сословий на доступ в гимназии и университеты, М. В. Ломоносов апеллировал к петровскому «Табелю о рангах», который разрешал посредством военной службы получить личное и потомственное дворянство: «На

военной службе вместе числятся и дворяне и недворяне, так нечего стыдиться этого и при обучении наукам» [5, с. 398 - 399]. Николай I считал предпочтительной социальную стабильность в рамках сословий.

По предложению Министра народного просвещения С. С. Уварова, которого относят к наиболее талантливым государственным деятелям николаевской эпохи, наряду с Е. Ф. Канкриним и П. Д. Киселевым, преподавание наук во всех государственных учебных заведениях должно было сочетать практические знания с политическим воспитанием в охранительном духе. Данные соображения были высказаны в Отчете о ревизии Московского университета, предназначенного для Николая I: «... в общем смысле дух и расположение умов молодых людей ожидают только обдуманного направления, дабы образовать в большом числе оных полезных и усердных орудий правительства, что сей дух готов принять впечатление верноподданнической любви к существующему порядку»... «слиятся должны, к разрешению одной из труднейших задач времени, - образование правильное, основательное, необходимое в нашем веке, с глубоким убеждением и теплой верою в истинно русские охранительные начала православия, самодержавия и народности, составляющие последний якорь нашего спасения и вернейший залог силы и величия нашего отечества» [1, с. 337]. При этом было увеличено финансирование министерства народного просвещения, а число гимназий за 1830-40-е гг. выросло в 1,5 раза.

Новые веяния затронули и университеты. С одной стороны, они отчасти утратили научно-методическую роль, преподавание наук должно было соответствовать теории официальной народности, цензурный устав 1826 г. создавал ощутимые препятствия для научных публикаций и закупки иностранной литературы. Было сокращено и стандартизировано количество факультетов (обычно три: философский, юридический и медицинский). С другой стороны, практическая направленность образовательного процесса при Николае I привела к расширению специального и технического образования, были открыты новые учебные заведения, например Технологический институт, Санкт-Петербургский главный педагогический институт (закрытый в 1819 г.), Строительное училище, Межевой институт и др. Постепенно и в новое царствование «университетам предоставлялись различные льготы и привилегии»: собственная цензура для научных работ, право свободно выписывать из-за границы учебные пособия. Профессора могли свободно выписывать иностранную литературу, «причем на таможенных кипы и ящики с ними не вскрывались» [2, с. 574]. Были увеличены оклады преподавателей, повышен классный чин по «Табели о рангах» (доктор наук – чин 8 класса, майор). Николай I по-своему вспоминал петровские установления, при нем студенты были приравнены к офицерам, получили особую форму со шпагой и должны были отдавать честь генералам и Членам Императорской фамилии. А. А. Корнилов замечал, что «в университетах сохранилась еще забота о возможно лучшей подготовке профессоров, так что в 30-х годах широко практиковались даже командировки молодых кандидатов за границу. Эти командировки дали в 40-е годы блестящие результаты» [1, с. 340], в числе знаменитых ученых,

прошедших такие стажировки, можно упомянуть историка-медиевиста Т. Н. Грановского или юриста К. А. Неволлина.

Откровенно охранительные начала возобладали на фоне европейских революций 1848 – 1849 гг. В 1849 г. новый Министр народного просвещения П. А. Ширинский-Шихматов составил одиозное «Наставление ректору и деканам...», в котором руководству университетов вменялось в обязанность «иметь постоянный и деятельный надзор за преподаванием всех вообще предметов». На лекциях и экзаменах преподаватели должны наблюдать «за неприкосновенностью начал, служащих основой государственного быта». Рекомендовалось исключить обзоры новых политэкономических учений» [2, с. 576 - 577].

Нельзя не сказать о внимании Николая I к академической науке. В 1830 г. финансирование Академии Наук было увеличено вдвое, расширялся перечень специальностей, академики становились профессорами университетов для сближения академической науки и образования. Кроме традиционного внимания императора к военной топографии и астрономии (открытие Пулковской обсерватории), следует отметить интерес Николая I к истории и археологии. Еще будучи великим князем, Николай Павлович посещал раскопки в Крыму, став императором, финансировал изыскания в Херсонесе, Танаисе, Керчи. Известно, что в 1853 г. по настоянию Николая I мозаичный пол базилики в Херсонесе был перевезен в Санкт-Петербург, что уберегло его от возможного переезда в Британский музей [2, с. 580 - 584].

Интерес к исторической науке у Николая I был далеко не случаен. По словам Л. В. Выскочкова, «Поддержка отечественной истории и мероприятия, направленные на охрану памятников истории и культуры, так же, как и использование их в воспитательных и идеологических целях, вполне вписывались в систему и отвечали личным пристрастиям императора. Причем ему были одинаково дороги дела Петра I, недавние события войны 1812 г. и памятники древних времен» [2, с. 565]. Кроме внимания к археологии и реставрации, можно упомянуть меры по сохранению культурного наследия. Указ губернаторам от 31 декабря 1826 г. запрещал разрушать старинные здания. Николай I покровительствовал художнику-реставратору Ф. Г. Солнцеву, под руководством которого были восстановлены Коломенский дворец Михаила Федоровича и фрески Софийского собора в Великом Новгороде. В последнем случае, император спас реставратора от гнева новгородского архиепископа, который опасался усиления влияния старообрядцев в случае открытия древних фресок: ««Я, владыко, не смотрю, как молятся, лишь бы молились. Ты любишь старину, и я люблю. Теперь в Европе дорожат малейшею старинною вещью. А мы, возобновляя древнюю живопись, можем ли думать, что оказываем предпочтения староверам. Вздор. Не противоречь» [2, с. 568]. Ф. Г. Солнцев подготовил литографии памятников русских городов, которые благодаря субсидии Николая I были изданы в 6-ти томном собрании «Древности российского государства».

Николай I не мог не уделить внимание и развитию архивного дела, при нем были открыты или преобразованы исторические архивы Московский главный

архив МИД, Петербургский государственный архив, Архив Главного штаба Военного министерства, Московский архив Министерства юстиции. По характеристике Л. В. Выскочкова, «со многими историческими документами Николай I знакомился лично. Известно, что многие представители династии Романовых увлекались историей, но, пожалуй, только император Николай I смог выстроить четкую династическую политику в архивном деле – хранении и использовании архивных документов, а также подойти к проблеме комплектования архивов как самодержавный практик». Здесь император выступал и как Высочайший цензор, когда дело касалось документов, содержащих компрометирующие династию обстоятельства [2, с. 568 - 570].

В целом, политика Николая I в области народного просвещения отличалась известной системностью и целостностью. На тех же принципах было основано и воспитание царских детей. «Памятуя о неудачном опыте своего воспитания и обучения, Николай Павлович большое внимание уделял подбору воспитателей и учителей для своих детей». Хотя традиционно среди воспитателей детей Николая I выделяют фигуру поэта В. А. Жуковского, преподававшего русскую словесность и старающегося привить подопечным уважение к человеческой личности, его влияние явно уступало значению «прирожденного педагога» генерала К. К. Мердера [6, с. 486]. Впрочем, воспитательная компонента пронизывала преподавание любых наук, например, воспитатель Константина Николаевича, мореплаватель Ф. П. Литке, так ответил на опасения В. А. Жуковского об излишнем внимании к военным наукам: «... не понимаю я, каким образом можно было бы, стремясь к общему образованию, избежать специального... Прежде всего, должно ему быть человеком: это главное и об этом стараемся мы всеми средствами» [6, с. 488]. Л. В. Выскочков оценивает воспитание детей Николая I как вполне успешное: «... можно сказать, что дети Николая Павловича получали более систематическое и глубокое образование, чем дети покойного императора Павла I, а педагогические принципы воспитания не травмировали их детской психики и способствовали формированию личности» [6, с. 488].

Образование николаевской высшей бюрократии больше соответствовало реалиям прошлого века: как правило, будущие министры получали домашнее образование у «учителей-французов» и начинали службу в гвардии. Нельзя не отметить служебную универсальность николаевских сановников, которые попробовали себя в самых различных видах деятельности – от военной, сухопутной или морской службы, до дипломатической или административной. Столкнувшись с необходимостью решать сложные вопросы государственного реформирования они, подобно Николаю I, старались компенсировать недостатки домашнего образования самообразованием, прежде всего – чтением специальной литературы [7, с. 214]. Цензурные ограничения препятствовали не только научной деятельности университетских профессоров. В 1825 году цензура задержала купленные будущим Министром государственных имуществ, а тогда начальником штаба 2-й армии генерал-майором П. Д. Киселевым заграничные книги (21 издание на французском и польском языках), что породило четырехлетнюю переписку Киселева с канцелярией Главного Штаба, III

Отделением и МВД. В итоге дело потребовало личного вмешательства императора, который разрешил, в порядке исключения, наконец отправить книги (в основном, исторические сочинения о Наполеоне и Александре I) адресату в 1828 г. [7, с. 99 - 100].

Для своего времени такой состав высшей бюрократии из вельмож-непрофессионалов уже казался анахронизмом. Например, бюрократ новой формации, министр юстиции В. Н. Панин, обладал университетским образованием и сделал целенаправленную гражданскую карьеру¹. Сам П. Д. Киселев ориентировал племянников, например, будущего военного министра, реформатора русской армии Д. А. Милютину на получение специального образования, которое активно развивалось в царствование Николая I [7, с. 218].

Список литературы:

1. Корнилов А.А. Курс истории России XIX века / А. А. Корнилов; Вступ. Ст. А. А. Левандовского. – М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2004. – 862 с.
2. Высокочков Л. В. Николай I и его эпоха. Очерки истории России второй четверти XIX века. – М.: Академический проект, 2018. – 999 с.
3. Орлов А. С., Георгиев В. А., Георгиева Н. Г., Сивохина Т. А. История России с древнейших времен до наших дней: учебник. 2-е изд. – М.: ПБОЮЛ Л. В. Рожников, 2001. – 520 с.
4. Минин А. С. «Отец-командир» для императора: опыт наставничества при Николае I. // Технологии наставничества в теории и практике работы с молодежью: матер. междунар. науч.-практ. конф. Санкт-Петербург, 17–19 ноября 2022 г./ под ред. Г. В. Ковалевой. — Санкт-Петербург: ФГБОУВО «СПбГУПТД», 2022. С. 226 - 230.
5. Шубинский В. И. Ломоносов: Всероссийский человек / Валерий Шубинский. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Молодая гвардия, 2015. – 471 с. (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1538).
6. Высокочков Л. В. Император Николай I: Человек и государь. – СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 2001. – 644 с.
7. Минин А. С. Граф П. Д. Киселев: портрет министра как зеркало эпохи: монография / А. С. Минин. – СПб.: ФГБОУВПО «СПбГУПТД», 2012. – 238 с.